

ЛЕТ этак несколько назад в газетах была описана в соответствии горжественных тонах схватка работников уголовного розыска с бандой. Один из работников, мой давний знакомый, был серьезно ранен. Я навестил его в больнице и не удержался, спросил, что он чувствует, читая вот сейчас о себе, о своем подвиге.

— Неволя, — сказал он. — Как будто я кого-то обманул. Хотя, конечно, приятно, когда отзываются о тебе, о твоей работе с такой похвалой. Но я-то сам знаю, что в этой свалке с бандитами именно я допустил олошность. Тут написано, — ткнул он в газету, — что, истекая кровью, я все-таки задержал преступника. Это правда. Но я, довольно опытный работник, не должен был истекать кровью. Мог бы и не истекать, — улыбнулся он невесело. — Я обязан был предвидеть, что у бандита, тоже довольно опытного, которого мы свалили не без большого труда, могло быть еще оружие. К тому же он оказался левша. И в руке у него был конопчатый кинжал. Он и проколол меня почти внаскоз, когда, я считал, что дело уже сделано. И это, конечно, мне большой урок на будущее...

Острый, гибкий, конопчатый кинжал, мгновенно выскакивающий из рукоятки, прошел, как установила хирургия, в непосредственной близости от сердца, лишь моего анаокого, казалось бы, всех надежд на будущее. Но, лежа в больнице еще в тяжелом состоянии, после удивившей меня самокритики, он стал вдруг зачем-то доказывать мне, что эта рана не так уж значительна. Она скоро заживет, затянется. Уже заживает. И ничто, стало быть, не мешает ему действовать дальше на прежней работе, в прежних условиях.

— Все-таки я уже не первый десяток лет работаю, — как бы убеждал он меня и себя попутно. — Все-таки это единственное мое место в жизни. Я же старый сыщик. Ну еще не очень старый...

Из всего, что он говорил мне, особенно запечатлелись эти два простых слова — место в жизни, которое он боялся потерять, как я боюсь, как все боится, кто его выбрал.

В нашей стране, давно позабывшей, что такое безработица, можно было бы, кажется, не особенно тревожиться по поводу выбора собственного места в жизни. То есть в первую очередь выбора профессии по умственным, душевным и физическим склонностям. Такого места в жизни, такого занятия, которое постоянно манило бы и радовало.

Оно, конечно, не всегда должно быть уютным и комфортабельным, это единственное место. Оно может быть и тревожным, грозящим постоянной опасностью. Оно может быть и вовсе неприятным.

— Я, кажется, лучшие годы моей студенческой и в общем голодной молодости провел в мертвецких, — говорил знаменитый хирург академик Бурденко. — Но я считал тогда и считаю теперь, что надо немало поработать со скальпелем сперва над трупами, чтобы хоть что-нибудь понять, познать в анатомии человека. Надо покопаться бог знает в чем, прежде чем стать доктором. Но эти ночи и дни в мертвецких, этот тяжелый труд во имя постижения истины были главной радостью моей молодости. И это же радует меня на склоне лет.

Могут сказать, что времена таких людей, как Бурденко, времена бескорыстия и самоотверженности прошли. Нынешние молодые люди, выучившиеся, например, на хирурга, порой без особого сожаления расстаются со своей профессией, становятся, допустим, артистами или фельетонистами. И вспоминают Антона Павловича Чехова, который-де тоже из врачей перешел в писатели. Но недавно недалеко от Москвы под городом Чеховым в плохой больнице с крошечной, по современным понятиям, и слабо оборудованной операционной я встретил молодого хирурга, которого буквально обожают все окружающее больницу население. Одному он восстановил ноги после катастрофы, другому починил позвоночный столб, третьему сделал удачную операцию на сердце. И так далее. И тому подобное. Жена этого хирурга, тоже врач, наверно, не очень довольна, что мужа почти каждую ночь поднимают с постели по очередной тревоге, но он, не чертыхаясь, идет оказывать помощь.

А почти рядом с больницей — великолепный санаторий, куда неоднократно приглашали этого врача, соблазняя и более высокой ставкой и спокойной работой.

— Почему же вы не соблазняетесь?

— А почему я должен был соблазниться? — чуть рассердился доктор. И широким жестом обвел все, что окружает его в этой больнице. — Тут моя работа. Тут мое место. И потом — тут у нас перспектива, — показал он в окно. — Очень медленно строится новое здание больницы, но можно надеяться, что когда-нибудь и передем.

— А какие личные планы?

— Такие же, как общественные, — работать.

— Не думаете ли защищать кандидатскую степень?

— Не думаю, — доктор засмеялся. — Кандидатов и без меня хватает. В них особенной нужды пока нет...

И опять мне вспомнился Бурденко, любивший говорить, что кандидатов медицинских и всяческих иных наук у нас едва ли не больше, чем нормальных лечащих врачей.

Тут я решаюсь высказать, может быть, на чей-нибудь взгляд рискованную мысль. Я думаю, не всем необходимо высшее образование. Как далеко не все могут быть балеринами или музыкантами, писателями или артистами, также отнюдь не все могут овладеть и высшим образованием при всей его кажущейся внешней доступности.

Недавно я наблюдал почти один и тот же эпизод, хотя в нем действовали две разные мамы, упавшие в обморок у дверей ауза, узнав, что у первой сын, а у второй дочь не получили, как у нас говорят, проходного балла. Первая мама — работница прачечной, муж ее — шофер грузовика, вторая — эстрадная певица. Она восприняла как величайшее несчастье, что их детям угрожает, представьте, какой ужас, такая беда — остаться только при среднем образовании, без высшего.

Страх оттого, что рано или поздно придется покинуть облюбованное тобой место, облюбованное, обжитое, но явно не твое.

При мне — года четыре назад — происходило назначение на пост директора совхоза уже немолодого человека, ранее не имевшего дела с сельским хозяйством.

— А что, — говорило значительное лицо, от которого зависело назначение. — Все мы тоже от бога не на автомобиле приехали, многие и пешком пришли. Парень он неплохой. Главное — смиренный. Выдержанный. Почти не пьющий — это тоже главное. И эрудированный.

Это последнее слово, ничего в сущности не выражающее, но вошедшее в моду, как и слово «нравственность», которое мы, кстати сказать, прилетаем по всякому случаю и без случая, значительное лицо со вкусом повторило несколько раз. И назначение состоялось.

Через год немолодого директора пришлось освободить от должности. Но теперь он уже не мог, не захотел бы пойти на рядовую работу. Его назначили заместителем районной конторы, кажется, Заготскот. Все-таки руководящая работа. Хотя искусство руководства, может быть, еще

ной строительной площадке. Он говорит, как трудно, как невыносимо трудно заставить все звенья работать с необходимой синхронностью. Ведь подумайте только — ведь какие грандиозные строительства, какие чудесные механизмы приводим в движение, пользуемся какой удивительной техникой! И вдруг среди рабочего дня садимся играть в карты или в домино, потому что вовремя не подвезли кирпич или еще что-то, потому что где-то кто-то напился, не вышел на работу или изначально был поставлен не на свое место.

И больше всего возмущает этого крупного руководителя, что на его стройке, на руководимом им строительстве снова и снова в рабочее время люди играют в домино. Хотя, я думаю, он знал об этом, конечно, и раньше. Теперь его ужасало, что милый его внук, смывленный мальчик, принимает беспорядок и бесхозяйственность за норму, позволяющую в рабочее время заниматься ерундой.

Брундочка эта игра полчила у нас, к сожалению, широкое распространение. Летом на бульварах и во дворах, осенью и зимой в освещенных подъездах еще, на взгляд, нестарые люди, но

Здесь, на металлургическом заводе, он стал получать сравнительно крупную зарплату, о которой раньше и не смел мечтать. Но, истощенный годами недоедания, он и сейчас не очень тратится на еду. А работа тяжелая, горячая.

— Надо кушать покрепче, — внушает Николай Иванович. — А то откуда у тебя возьмутся силы? Ты мужчина.

Они говорят на смеси из английских слов, которых не так уж много в запасе у Николая Ивановича, и русских, которые постепенно усваивают Ахмет.

— Ты не прячь денюжки, ешь, кушай, — повторяет Николай Иванович, взывший на себя как бы ответственность за все поведение Ахмета, в том числе и за его здоровье.

Ахмет быстро устает. Он часто хочет присесть или даже прилечь.

— Ну что же, — говорит Николай Иванович, жалея его, — и приляг, поспи, пока идет плавка. Хотя спать бы не надо. Надо думать, глядеть.

Так проходит полгода. Ахмет постепенно втягивается в работу, что радует Николая Ивановича. Через год он начинает работать, кажется, не хуже других учеников.

жизнь. Как это важно, чтобы еще с юности не то чтобы она сложилась, но уже начала определяться, приобретать направление, чтобы потом, в позднем возрасте, не горевать.

Есть такая наука, выбирающая в себя много знаний, наука, способная помогать людям и в выборе профессий, наука, которую мы еще мало пользуем для практических целей, наука под названием психология. Психологи могли бы быть расставлены как бы на решающих точках человеческой жизни, начиная с детского сада. Я говорю на решающих и называю — детский сад.

В детском саду я украл у мальчика цветной карандаш с резинкой на конце, — рассказывал мне в одной из тюрем пожилой преступник, зачисленный в ряд наиболее опасных рецидивистов. — Я даже не забыл, как звали того мальчика. Эдиком его звали. Но я не отдал ему, хотя, помню, что мне жалко было Эдика. Дома отец спросил, где я взял карандаш. «Нашел», — соврал я и, помню, покраснел. «Хороший карандаш», — сказал отец и положил его в карман. «Тебе он ни к чему — ты еще писать не умеешь»... Он был заведующим мебельным магазином, мой отец. В школе я отобрал у девочки во втором классе перочинный нож с перламутровой, что ли, ручкой и пригрозил избить ее, если она покажется. Вот как звали эту девочку, я уже забыл. Я многое забыл. Я не помню даже крупных грабежей, в которых участвовал сравнительно недавно. А Эдика с его карандашом помню. И думаю, что если бы меня тогда как-то окоротили, напугали хотя бы или вроде разоблачили, как теперь говорят, я бы, может, нашел себе в жизни место получше, чем тюрьма. Кстати, я здесь уже в третий раз...

Детский сад и школа в судьбе этого человека сыграли, вероятно, меньшую роль, чем отец — заведующий мебельным магазином, с удовольствием положивший краденый карандаш в карман, не выяснив окончательно, откуда он взялся. Отец, как бы первым, нечаянно поощрил сына на опасной стезе, поведшей ко все нарастающим преступлениям, долго к тому же оставшимися безнаказанными.

— Мой отец был беспречным человеком. Он, конечно, не нуждался в этом карандаше. И вообще ни в чем не нуждался. Я помню, нам ащиками домой привозили масло, сахар, хорошую рыбу, когда было голодно во всей стране. Это все за мебель. За то, чтобы получить ее без очереди. «Вот так надо, Гришка, жить», — говорил отец в подлинит. Но я так жить не сумел. Не нашел, так сказать, своего...

Я думаю, что он скажет — «места в жизни», но он сказал «фарта, своего форта».

— Вот сейчас вроде обещаю обучить меня сапожнику делу, но не знаю, будет ли толк. Отвык я от дела или, напротив, не привык ни к чему, кроме того, чем занимался всю жизнь. То есть вы сами понимаете, чем. Но поскольку мы с вами разговаривали, я хотел спросить вас, не знаете ли, какой теперь порядок. Ведь каждый раз, когда я попадался и отбывал свой срок в колонии, меня заставляли работать, и я работал. Так вот я хотел узнать — по достижении моего возраста будет ли засчитываться мне дела, например, пенсия время, проведенное мной на работе, хотя бы в колонии. Для стажа. И потом я хотел спросить, могут ли мне здесь поставить зубной протез. У меня уже совсем сносились верхняя челюсть...

Он задал мне еще несколько вопросов, этот репидивист. И все в одном направлении — о своих нуждах и о своих правах на удовлетворение его нужд.

— Все-таки у нас не какое-нибудь государство, а это самое... социалистическое, — сказал он.

Можно было бы улыбнуться, но мне не хотелось. Я даже рассердился. Человек, прошедший жизнь, мягко говоря, в качестве тунеядца, считает, однако, что государство обязано позаботиться и о его пенсии, и о зубных протезах.

Вот этот взгляд на государство, как на дойную корову, которую можно не кормить — она все равно будет доняться, — типично иждивенческий взгляд, все замечает укореняется среди определенных лиц, в первую очередь среди тех, кто не нашел своего места в жизни или не захотел найти. Мы же можем работать в полдну или совсем не работать, гулять, прогуливать, пить вино в рабочее время, забивать «козла» на работе, но государство обязано лечить нас бесплатно, направлять в положенные сроки в дома отдыха и в конце концов предоставлять нам пенсию. Все за счет тех, кто добросовестно и, порой, отважно, не жалел сил работать на своем посту, на своем месте в жизни.

Льстить, думаю, я никому никогда не надо, в том числе и самому народу. Поэтому я решаю высказать эти мои соображения, наверно, не очень новые и отнюдь не бесспорные, но продиктованные мне давними наблюдениями над действительностью.

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Павел
НИЛИН

М Е С Т О В Ж И З Н И

Наша коммунистическая мораль вобрала в себя все лучшее, возмещающее человека из того духовного наследия, что веками создавалось поколениями человечества. Вместе с тем она вызвала к жизни принципиально новые категории нравственности, рожденные многогранным опытом коммунистического строительства в нашей стране, наполненные более глубоко, подлинно коллективистским содержанием принятые и прежде в народе моральные нормы и ценности. Как она проявляется сегодня — система наших нравственных требований и взглядов, среди которых, по мысли В. И. Ленина, есть и немало простых, но очень глубоких истин и правил человеческого общежития? Как эти истины и правила определяют социальное поведение советского человека, формируют нравственный климат нашего общества, об этом и пойдет речь в нашей новой рубрике.

Заслуженная труженица, человек тяжелого труда, расставшая без мужа двух хрупких девочек, уже вступающих в самостоятельную жизнь, привезла их поступать в балетную студию.

— Это ж красота — будут морхаться, как бабочки. Неужели ж я, как мать, допущу, чтобы они всю жизнь находились при короках. Да я их и не пручала к тяжелой работе. Илела.

Девочек не приняли в студию. Мама огорчилась. Погрозила, что будет жаловаться. — Я за них свое отработала. Мне три ордена дали, — говорила она. — Пусть хоть дети мои поживут в полной радости, без тяжелого труда. А я уж буду в ночь, полночь свое отработывать. Ей и в голову не приходило, что труд балерин едва ли не много легче труда, например, шахтеров. Во всяком случае шахтеров и балерин хоть отчасти уравнивают затраты энергии.

А сколько людей — молодых и старых — толпится на наших киностудиях, желая приблизиться к тайнам искусства! И опять далеко не всем известно, какого труда стоит профессиональным артистам участвовать в фильме. И как, скажем к слову, скромны вознаграждения за этот труд, доставляющий радость миллионам зрителей.

Не всякий человек может стать настоящим артистом или балериной, ученым или космонавтом, но не всякий может стать сталевааром у мартена или горняком у домны. Не всем доступен и шахтерский труд.

Одного новичка, спустившегося в шахту, тотчас же объемлет ужас подземелья. Другой уверенно пойдет за всеми в глубины шахты, почти не обращая внимания на внушающий тревогу грохот конвейеров и дребезг вагонов, пойдет, подавив в себе оторопь, ища свое место, свой, так называемый, клеваш.

Как бы там ни было, за всю мою жизнь я ни разу не встретил шахтера, который, взгустнув, пожаловался бы на тяжелый труд, и по сегодняшнему дню при всех технических усовершенствованиях остающийся тяжелым.

Не встречал я сожалевших о выборе своей профессии и среди таких людей, как сталевары, горняки, прокатчики, ибо люди, обретшие свое место в жизни, не бьются несчастными. Ибо счастье сопутствует в первую очередь мастерам. И нет на свете людей счастливее мастеров — всех ремесел, всех званий, всех эпох.

Однако в жизни мы наблюдаем немало и людей несчастных. Им чаще всего сопутствует страх, когда они не располагают истинным признанием, когда занятые ими места не оправданы единственными, оправданными знаниями и способностями. Страх неизменно сопутствует людям, неуверенным в себе, в своем деле.

Мы открываем ее размышлениями писателя Павла Нилина. Одной из важнейших забот партии, всего нашего общества всегда было и остается создание каждого советского человеку всех необходимых условий для расцвета его способностей и дарований на общее благо. В этом ключ воспитательной работы КПСС, одна из определяющих черт советского образа жизни. Ныне, когда общество развитого социализма обеспечивает все духовные и материальные предпосылки для гармоничного развития личности советского человека, забота о достойном его месте в общем строю возведена в нашей стране в ранг закона статьей 40 Конституции СССР, которая гарантирует гражданам не только право на труд, но и право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

уже пенсионеры, часами в рабочее время, как это называется, «забивают козла». И при этом иной раз предаются воспоминаниям, кто где был, кем служил, какие должности занимал.

На Тверском бульваре в Москве чистенький сухонький старичок, одной рукой забывая на скамейке «козла», другой время от времени покачивая колыску со спящей внучкой, говорит:

— Ты спроси меня, кем я только не был. И председателем колхоза, и редактором газеты, и директором кинотеатра, и этим — как его? — экскурсатором. Потом опять заведующим, то есть директором школы. Можно сказать, рядовым я сроду не был.

— А на войну не вызвали? — спрашивает хромой угрюмый старик, прислонивший к спинке скамейки штатив. — Или не пожелал? На фронт-то?

— У меня была броня. Особая, — с гордостью отвечает чистенький сухонький старичок. — То есть я тут был нужен. В тылу...

— Незаменимый, значит? — Можно и так считать. — И хорошо тебе было?

Чистенький старичок не ответил. Не было ему хорошо, хотел бы я ответить за него. И не могло быть. Обскакав десятки должностей, пусть и довольно высоких, он так и не нашел своего места в жизни и не принес обществу пользы, если не принес зла.

Он катит колыску с внучкой дальше по Тверскому бульвару. Я вижу его похмуравшее лицо. Чем-то, может быть, разбередил его душу хромой старик, вспомнив про войну.

Место в жизни. Везде по-разному люди пробивают к нему дорогу. В одной из стран, где при содействии нашего государства выстроен металлургический комбинат, наши рабочие-металлурги обучают своих зарубежных коллег искусству сталеварения, доменному делу, прокату. Очень нелегкая эта работа — обучение.

— И ребята, надо повеселиться, спать, без этих слов, чтобы не было, не дай бог, обид. Это же — иностранцы. Этого забывают не надо, — говорит инструктор. — Терпение и еще семь раз терпение...

А здешние люди, это наши иностранные коллеги, не все усваивают сразу. Не только их деды и прадеды, но и ближайшие их предки не имели прикосновения к индустрии, особенно к такой — огнелюбной.

Сталевар Николай Иванович называет своего ученика и коллегу не иначе, как «мой друг». Это не только вежливо, но и ласково. И это нравится ученику. Ахмету — невысокого роста мужичку лет тридцати, всю жизнь перебивавшемуся, как сказали бы у нас, с хлеба на квас, не имевшего постоянной работы, но уже обзаведшегося, как принято в этой жаркой стране, большой семьей.

И все-таки из года в год десятиклассники, не сумевшие поступить во ВГИК или в ГИТИС, в литературный институт или в иной, какому-либо престижному вузу, поступают чаще всего в педагогический, чтобы потом сердиться на учеников за несложившуюся собственную